

**ПУШКИНИАНА ИСТОРИКА КУЛЬТУРЫ:
ШТРИХИ К НАУЧНОМУ ПОРТРЕТУ ПРОФЕССОРА В.А. ВОРОПАЕВОЙ**

Г.Н. Хлытенко

Анализируются исторические очерки-эссе пушкиноведа В.А. Воропаевой, систематизированные в четырех книгах монографического характера. Выявляются методология и методика научного исследования, характеризуются основные произведения, подводятся итоги историко-культурологической Пушкинианы.

Ключевые слова: пушкиниана; история; интерпретация.

“Бывают странные сближения”. Этот пушкинский афоризм является для Валентины Алексеевны Воропаевой общим, обобщающим представлением – универсумом, говоря научным языком. Действительно, она, научно-педагогический работник Кыргызско-Российского Славянского университета, профессиональный историк, автор научных трудов и учебников по истории Киргизии, лауреат Государственной премии республики в области науки и техники, в результате “странного сближения” страстно влюбилась в Пушкина, в его Слово, в его творческий Гений – да так, что стала профессионалом в пушкиноведении.

“Как давно это было – теперь, кажется, и не вспомнить, когда, – размышляет В. Воропаева в одной из своих работ. – А может быть, так было всегда?.. *Что* или, вернее, *Кто* подвиг меня на эту беспредельную, постоянную, грустнотомительную любовь к Пушкину: его Натали или Он Сам?” [5, 158]. Конечно же, и Натали, жена Пушкина, и он сам, Пушкин. Натали – с тех пор, как восьмиклассница Валя Воропаева дралась со своими сверстниками, считавшими пушкинскую Мадонну виновницей гибели Поэта. Пушкин – с тех пор, как историк-архивист Валентина Воропаева осознала сердцем и умом глубину пушкинского афоризма: “Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная”.

В состав Пушкинианы В. Воропаевой входят документально-исторические очерки, систе-

матизированные, главным образом, в двух монографиях: “Ты сам свой высший суд...” (2005) и “Пока свободой горим, Пока сердца для чести живы...” (2006). Часть материалов вошла в книги “По тропе времени” (2003) и “А.С. Пушкин и подвижники культуры в периодике” (2009). Кроме того, В. Воропаева автор-составитель книжки-альбома “Пушкин в Кыргызстане”.

В историко-культуроведческой Пушкиниане В. Воропаевой отчетливо просматриваются три исследовательских вектора: Пушкин и Россия, Пушкин и Запад, Пушкин и Восток. А отправными точками этих векторов являются творческие “порывы души” поэта, которые нашли образное выражение в знаменитом стихотворении “Памятник”:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал* [1, II, 295].

Пушкин и Россия – это прежде всего очерковый цикл, связанный с историческим трудом Пушкина “История Пугачева” (“Постижение истории на “пугачевских” страницах А.С. Пушкина”, “От «Истории Пугачевского бунта» к «Истории Пугачева», “От «Истории Пугачева» к «Капитанской дочке»”), затем очерки “И долго буду тем любезен я народу...” (Пушкин и поэты-современники), “Пока свободой горим...” (Пушкин и декабристы), “Поэт!.. Ты царь: живи один...” (Блок и Пушкин).

Пушкин и Запад – это: “Великодушный грек свободу вызывал...” (Пушкин и Греция), “Он свят для внуков Аполлона...” (Пушкин и Байрон), “Он говорил о временах грядущих” (Пушкин и Мицкевич).

Пушкин и Восток – это: “Поедем, я готов...”, “На пути в Индию...”, “В.Н. Татищев – П.И. Рычков – А.С. Пушкин и история «алатай-киргизов»”.

Многовекторная направленность Пушкинианы потребовала от В. Воропаевой энциклопедической осведомленности об окружении Пушкина, в котором складывалась его личная и творческая биография. И она в полной мере исполнила это требование. Пушкинское окружение в ее Пушкиниане многообразно и многослойно. Это и литературное окружение (В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, Е.А. Баратынский, К.Ф. Рылеев, Н.И. Гнедич, Д.В. Давыдов, Адам Мицкевич), и дружеское окружение (лицейские товарищи И.И. Пущин, А.А. Дельвиг, В.К. Кюхельбекер, князь П.А. Вяземский, профессор П.А. Плетнев, князь А.К. Ипсиланти), и семейное окружение (жена Наталья Николаевна, дети Гриша, Маша, Таша и Саша, родственники по семейным линиям Пушкиных и Гончаровых), и светское окружение (Е.Н. Орлова, княгиня С.Г. Волконская, княгиня В.Ф. Вяземская, барон Жорж Дантес), и придворное окружение (император Николай I, шеф корпуса жандармов А.Х. Бенкендорф, великая княгиня Елена Павловна, граф М.А. Корф). А научным окружением Пушкинианы В. Воропаевой являются ученые-историки допушкинского времени В.Н. Татищев и П.И. Рычков, ученые-востоковеды пушкинского времени Н.И. Бичурин (о. Иакинф) и А.И. Левшин, ученые-пушкиноведы нашего времени Т.Г. Цявловская и Г.П. Макогоненко, Ю.М. Лотман и Л.А. Шейман.

Думается, что жанровое определение очерка, данное нами применительно к научным произведениям В. Воропаевой, нуждается в корректировке. В принципе, это эссе – жанровая форма очерка, популярная сегодня во всех отраслях словесного творчества, в том числе и научного. Основными особенностями эссе, по утверждению современных ученых, являются: конкретность темы, личностный подход к ее раскрытию, свободная композиция, определяемая движением мысли автора. Именно таковы большинство научных произведений В. Воропаевой.

Что касается содержательного наполнения жанра, то здесь прослеживается взаимодействие двух словесных величин – текста и контекста.

Текст – это собственно речевая грань литературного произведения, а контекст – это речевое или ситуативное окружение произведения или его части, в пределах которого наиболее полно выявляется его смысл. Конкретно: биография автора, свойства его личности, его окружение (близкий контекст), его эпоха, культурная традиция, феномены исторического времени (удаленный контекст). Контекст безгранично широк, поэтому контекстуальное рассмотрение литературного произведения не может быть исчерпывающе полным: оно по необходимости избирательно.

В Пушкиниане В. Воропаевой в качестве контекста выступают различные тексты: художественные, документальные, научные, мемуарные, эпистолярные, принадлежащие самому Пушкину, его современникам, исследователям его творчества. Вот здесь-то, в процессе работы с текстами, и возникают те “странные сближения”, о которых говорил Пушкин, обронивший эту загадочную фразу в рукописной заметке к поэме “Граф Нулин”.

Пушкиноведы истолковывают фразу текстуально, отвечая на вопрос: сближения – чего с чем? Очевидно, побуждений, заставивших Пушкина написать “Графа Нулина”, законченного в день восстания декабристов 14 декабря 1825 года, с его исходом, о котором Пушкин, находясь тогда в селе Михайловском, ничего знать не мог, и “случаем” – перебежавшим дорожку зайцем, который помешал Пушкину быть среди восставших и разделить их участь. В. Воропаева же интерпретирует пушкинскую фразу контекстуально: “странные сближения” – это случайные, на первый взгляд, факты, которые в результате научного анализа пробивают дорогу закономерным явлениям. Отсюда ее убеждение в том, что “странные сближения” “сопутствовали самому поэту, сопутствовали и сопутствуют всем, кто любит его творения и размышляет над ними” [3, 79].

Это уже своеобразная методологическая установка: “Через случайности к закономерностям”. Именно ею руководствуется В. Воропаева, интерпретируя в контексте исторического времени “странные”, т.е. загадочные, необычные, удивительные факты личной и творческой биографии Пушкина.

Типичный пример исторической эссеистики В. Воропаевой – статья “Великодушный грек свободу вызывал...”, озаглавленная пушкинской строкой из стихотворения “К Овидию” (1821). Стихотворение написано в южной ссылке, где Пушкин разделял судьбу своего далекого предшественника –

античного поэта Овидия, сосланного римским императором в те же бессарабские степи.

*Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на берегах Дуная
Великодушный грек свободу вызывал...*[1, I, 275].

“Великодушный грек” – князь Александр Константинович Ипсиланти (1792–1828), генерал-майор русской службы, глава гетерии-греческой революционной организации, ставившей целью освобождение страны от многовекового турецкого ига. Ипсиланти сформировал в Бессарабии повстанческую армию и в 1821 г. поднял восстание, явившееся началом Греческой национально-освободительной революции (1821–1829). Пушкин был вхож в дом Ипсиланти, общался с ним, сочувствовал движению гетеристов и намеревался принять участие в нем. Имя Ипсиланти часто встречается в произведениях Пушкина, его заметках и письмах. Все эти “странные сближения” и явились для В. Воропаевой побудительным толчком для исторического сюжета “Пушкин и Ипсиланти”.

Сюжет имеет два контекста исследования: исторический и художественный. Исторический контекст включает в себя хронику событий 1820-х годов, современником которых был Пушкин, а также его исторические заметки (“Note sur Revolution a’ Ipsilanti”, “Note sur Penda-Deca”), письма (В.Л. Давыдову из Кишинева и др.), даже пушкинский рисунок профиля Ипсиланти; художественный контекст – произведения Пушкина, тематически соотносимые с Греческой революцией и ее вождем (стихотворения “Война”, “Из письма к Гнедичу”, “В.В. Давыдову”, “Гречанка верная! не плачь – он пал героем!...” и др., повесть “Кирджали”, отрывок из X главы романа “Евгений Онегин”).

Читая эссе, мы замечаем, что сюжет “Пушкин и Ипсиланти” постепенно перерастает в более широкий сюжет – “Пушкин и Греческая революция”. Наконец, после дополнительного контекста (цикл “Подражания древним”, переводы древнегреческих поэтов, оригинальные стихи об Элладе) сюжет обретает завершенную полноту – “Пушкин и Греция”.

Говоря о методике научной работы В. Воропаевой, следует сказать, что она, будучи историком, широко привлекает к анализу художественные произведения Пушкина, подобно литературоведу. Более того, она считает, что “самыми главными документами, свидетельствующими о подлинном отношении поэта к существующему порядку вещей, является его поэтическое творчество” [5, 125]. Насколько это плодотворно, можно судить по конкретным примерам.

В эссе “Пока свободою горим...”, где повествуется о возвращении Пушкина из ссылки в Михайловское после восстания декабристов, внимание В. Воропаевой привлекает первая встреча Пушкина с Николаем I, состоявшаяся в московской резиденции царя в Чудовом монастыре 8 сентября 1826 г. В. Воропаева, систематизировав известные ей документальные материалы, в которых с большей или меньшей вероятностью восстанавливаются “смысловые центры” исторической беседы, происходившей с глазу на глаз, решает обратиться к художественным произведениям Пушкина. Анализируя стихотворения “Андрей Шенье”, “Стансы”, “Друзьям”, “Пророк” “Во глубине сибирских руд...”, “Анчар”, “Поэту”, “Памятник”, В. Воропаева значительно обогащает контекст отношений Поэта с властью.

Аналогичный пример – эссе “Мадонна Поэта”, где В. Воропаева, воссоздавая душевный мир Пушкина в последний год его жизни, обращается к роману “Капитанская дочка”, написанному в том же, 1936 – м году. Результат весьма позитивен. По мнению ученого, в “Капитанской дочке” тема Любви и понятия о Чести просматриваются “как-то особенно трагично”. Пугачев, предводитель “злодеев”, помогает влюбленным, Гриневу и Маше, соединиться и уехать, избежав трагедии. “Что это? Тоска по незащищенной любви? – вопрошает автор и тут же отвечает: – Очевидно, да! Скоро, очень скоро сам Поэт должен будет заступиться за *свою* Любовь перед “злодеями” – перед “швабриными” без чести и совести... и дать убить себя, как “невольник” Чести” [5, 167].

Вообще, интерес к Мадонне Поэта – жене Пушкина Наталье Николаевне у В. Воропаевой явно повышенный. Это объясняется не только многочисленными и разноречивыми суждениями современников о ее личности, но и личностным отношением исследователя к историческому лицу как к живому человеку, на долю которого выпали тяжелые жизненные испытания.

Наталье Николаевне посвящены три эссе, в которых наиболее ярко проявляются черты этого жанра. В своих суждениях о ней В. Воропаева безоговорочно доверяет Пушкину. Это он посвятил своей невесте, Наталье Гончаровой, божественный сонет “Мадона” (так у Пушкина – с одним “н”) с его восторженно – молитвенной концовкой:

*Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец*
[1, II, 179].

Это он писал своей жене, Наталье Николаевне Пушкиной, в одном из писем: “Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете – а душу твою люблю я еще более твоего лица” [1, X, 93]. Это он неоднократно говорил о невинности Натальи Николаевны в преддверные и предсмертные дни, хотя она, терзаясь, говорила доктору Далю: “Я убила моего мужа, я причина его смерти; но Богом свидетельствую – я чиста душой и сердцем” [5, 129].

Мадонна – у католиков Богородица, Богоматерь; в переносном значении – женщина, которая представляется воплощением красоты и невинности. Для В. Воропаевой, по ее признанию, первая встреча с Мадонной произошла еще в юном возрасте, в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Это была “Сикстинская Мадонна” Рафаэля – знаменитого художника итальянского Возрождения. А затем она воплотилась в облике Мадонны Пушкина – Гения русской словесности.

Пушкинская Мадонна представлена В. Воропаевой как незаурядная личность: и светская красавица, и муза поэта, и его подвижница в литературных делах, и верная супруга, и мать четверых детей. В конечном итоге исследователь приходит к выводу, что супружество Пушкина и Гончаровой – это союз Поэта и Мадонны, Гения и Красоты. “Других таких нет, – заключает она. – Природа нашла возможным *наградить* их таким даром и *объединить*. И именно потому, что мы все далеко не такие, около двухсот лет люди никак не хотят понять: может быть, проще и чище просто восхищаться Гениальностью Поэта и Красотой его жены” [5, 162].

Предмет особого внимания В. Воропаевой – тема “Пушкин и киргизы”, истоком которой является третья строфа пушкинского “Памятника” в ее черновом варианте:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси Великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И внук Славян, и Финн, и ныне полудикой
Тунгуз, Киргизец и Калмык* [5, 131].

Упоминание этнонима “киргизец” породило, без преувеличения, целую отрасль регионально-пушкиноведения в Кыргызстане, основоположником которой стал известный литературовед Лев Аврумович Шейман – автор монографий “Пушкин и киргизы” (1963), “Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина” (1996), “Пушкин и его современники: Восток и Запад” (2000, две последние книги в соавторстве с

Г.У. Соронкуловым). В. Воропаеву, как и Л. Шейману, интересуют два важнейших вопроса: знал ли Пушкин о существовании тянь-шаньских киргизов, отличных от казахов, и почему последний вариант пушкинского “Памятника” лишился этнонима “киргизец”. На первый вопрос Л. Шейман ответил утвердительно, а на второй дал гипотетический ответ: “алатай-киргизы” – “околороссийский” народ, не владевший русским языком, поэтому Пушкин для них еще недоступен. В. Воропаева, соглашаясь с Шейманом, углубляет его суждения с историковедческих позиций.

Внимательно изучив ближний контекст, на который опирается Шейман (труды В.Н. Татищева, П.И. Рычкова, А.И. Левшина), В. Воропаева выходит на дальний контекст – труды ученых-востоковедов Н.Я. Бичурина (о. Иакинф) и Р. Данибегашвили. При этом отправными точками исследований являются, как и обычно, пушкинские художественные тексты, а опорными фактами – пушкинские “странные сближения”.

В эссе “На пути в Индию” сюжетной завязкой служат “Отрывки из путешествия Онегина”, точнее – строки, открывающие их:

“Е. Онегин из Москвы едет в Нижний Новгород:

.....*перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим*” [1, IV, 170].

Макарьев – название Нижегородской ярмарки, которая первоначально собиралась в городе Макарьево. Гораздо раньше, чем Пушкин написал эти строки, здесь побывал российский путешественник, дипломат, купец Рафаил Данибегашвили, который в 1815 г. издал в Москве книгу, где содержались сведения “о множестве разных народов: калмыках, киргизцах, козаках”. Под киргизцами путешественник явно имел в виду киргизов, а не казахов, которых он называл козаками. Пушкин наверняка был знаком с книгой Данибегашвили, тем более что маршрут последнего путешествия Данибегашвили в 1827 г. пересекался с маршрутом Пушкина, командированного в 1833 г. в Оренбургский край для сбора материала по истории Пугачевского восстания.

Сюжетной завязкой другого эссе – “Подем, я готов...” – являются начальные строки одноименного стихотворения Пушкина:

*Подем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая...* [1, II, 158].

Действительно, в 1830 г. Пушкин собирался посетить Китай с отправлявшимся туда посольством, но не получил разрешения. В составе посольства был Никита Яковлевич Бичурин, в монашестве отец Иакинф, – известный ученый-востоковед, синолог (китаевед), труды которого Пушкин использовал при работе над “Историей Пугачева”. В. Воропаева, собирая по крупицам сведения о киргизах, содержащиеся в трудах Бичурина и Пушкина, приходит вслед за Л. Шейманом к выводу о том, что Пушкин, как и Бичурин, употреблял этноним “кэргызец”, который максимально близок к самоназванию киргизов – “кыргыз”.

В последней книге В. Воропаевой – “А.С. Пушкин и подвижники культуры в периодике” – тема “Пушкин и киргизы” обретает новый вектор – “Пушкин в Кыргызстане”. Этот факт нашел отражение в оформлении обложки: портреты Пушкина и Айтматова; об этом заявлено в двух статьях: “Пушкин и Айтматов о народности литературы и национальной идее” и “К проблеме “примирения непримиримого” в творчестве А.С. Пушкина и Ч.Т. Айтматова”. Эти публикации сближают историко-культуроведческую Пушкиниану с литературоведческой, так как В. Воропаева выходит на сравнительное изучение классиков русской и киргизской литератур.

Характерными чертами Пушкинианы В. Воропаевой являются научность, познавательность и занимательность. Этому способствуют не только научные познания исследователя, но и живые впечатления, полученные в результате поездок по пушкинским местам, которые стали запечатлены (Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина “Михайловское”, Музей-усадьба “Полотняный завод” – вотчина Гончаровых, Дом-музей А.С. Пушкина на Мойке, 12 в Санкт-Петербурге, Царское село с его знаменитым лицеем и др.). Вот почему Пушкиниана В. Воропаевой представляет собой кладезь интереснейших фактов для читателей любого ранга. Приведем некоторые из них.

Абрам Петрович Ганнибал – “арап Петра Великого”, прапрадед А.С. Пушкина – и Афанасий Абрамович Гончаров – прапрадед Н.Н. Гончаровой – были “птенцами гнезда Петрова”.

Сохранилось 78 писем Пушкина к невесте и жене Наталье Николаевне, и большинство из них начинается со слов “Ангел мой!”. Пушкин исключительно бережно относился к письмам своим современников и собственным письмам, видя в них душевные состояния, отражения творческого процесса, образцы словесного ис-

кусства. Отсюда его убеждение: “Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная”.

Знаменитая “Болдинская осень” 1830 г., связанная с небывалым творческим взлетом Пушкина, – побочный результат его поездки с целью принять во владение свою часть наследства от отца в связи с предстоящей женитьбой на своей Мадонне.

Крестным отцом Гриши, младшего сына Пушкина, был поэт В.А. Жуковский.

Исторический отдел личной библиотеки Пушкина был самым обширным после литературного. Помимо трудов русских историков: В.Н. Татищева, П.И. Рычкова, Н.М. Карамзина, Н.Я. Бичурина, А.И. Левшина, Пушкин изучал труды французских ученых: Ж. Руссо, А. Токвиля, Ф. Гизо, О. Тьерри, О. Минье и других.

Из иностранных языков Пушкин владел не только французским. Восполняя недостаток лицейского образования, он самостоятельно изучил латинский язык. В двадцать девять лет в несколько месяцев овладел английским языком, чтобы читать в оригинале Байрона и других поэтов. Несколько позднее выучился говорить по-испански. “Только с немецким языком не могу я сладить!” – признался он однажды.

До поединка с Ж. Дантесом Пушкин был участником двадцати дуэльных историй, которые заканчивались бескровно. Двадцать первая дуэль оказалась для него смертельной.

Наталья Николаевна Пушкина, во втором браке Ланская, похоронена вместе с мужем, генералом П.П. Ланским, в Александро-Невской лавре, недалеко от могилы М.В. Ломоносова.

В Пушкиниане В. Воропаевой Пушкин предстает во всей своей гениальности и во всей своей человечности: Пушкин-поэт, Пушкин-интеллектуал, Пушкин-гражданин, Пушкин-семьянин, Пушкин – “невольник чести”, Пушкин – знаковая фигура той эпохи, которая получила название пушкинской. И во всех проявлениях своей личности Пушкин – явление феноменальное, выдающееся, исключительное. В этом отношении В. Воропаева полностью солидаризируется с оценочными суждениями двух знаменитых его современников – коллег по перу. “Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет” (Н.В. Гоголь). “Никто не заменит Пушкина. Ни одной стране не дано, чтобы в ней больше, нежели один раз, мог появиться человек, сочетающий в себе столь вы-

дающиеся и столь разнообразные способности, которые, казалось бы, должны были исключать друг друга” (Адам Мицкевич).

Пушкиниана В. Воропаевой функционирует, так сказать, в двух вариантах – научном и публичном. Публичный вариант – это статьи, печатавшиеся в периодической прессе, главным образом в газете “Слово Кыргызстана”. Основные публикации – 15 статей – вошли в последнюю книгу – “А.С. Пушкин и подвижники культуры в периодике”, изданную в 2009 г.

В результате “странных сближений” В. Воропаева обнаружила и опубликовала рукопись неизвестной научной работы “«Высший суд» Пушкина (Самооценка поэта)”, автором которой является Ольга Николаевна Тиблен – домашний педагог детей Л.Н. Толстого, знаток шести иностранных языков, переводчик поэзии с французского. Работа была написана в 1937 г. к 100-летию смерти Пушкина.

В 2008 г. В. Воропаева в качестве автора и составителя издала книгу-альбом “Пушкин в Кыргызстане”. Она посвящена истории создания памятника А.С. Пушкину, установленному перед входом в центральный учебный корпус Кыргызско-Российского Славянского университета в 1999 г. в связи с 200-летним юбилеем Гения русской словесности. В книге опубликованы статьи и выступления культурных, общественных и государственных деятелей, а также стихи поэтов республики на русском и киргизском языках.

С тех пор у профессора В. А. Воропаевой вошло в традицию “сбираться” со студентами и преподавателями у Памятника два раза в год – 6 июня, в день рождения, и 10 февраля, в день смерти Поэта. Возложив цветы к Памятнику, поклонники Пушкина идут в кабинет русской культуры, где читают стихи, слушают музыку, просматривают “видики” о нем, “После этих дат, – признается Валентина Алексеевна, – ощущается какая-то незримая связь веков, наверное, потому, что, как высечено на постаменте памятника:

И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал...”
[5, 124].

Внедрение Пушкинианы в студенческую среду началось в юбилейный 1999-й год. На занятиях по культурологии студенты гуманитарного и юридического факультетов КРСУ в течение целого семестра по 15 минут читали “Евгения Онегина” – “энциклопедию русской жизни” – и точно к 6 июня, дню рождения Пушкина, не просто прочли, а изучили пушкинский роман в стихах.

Региональная Пушкиниана В. Воропаевой получила высокую оценку в Кыргызстане. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы нашей научной элиты: члена-корреспондента Российской Академии наук, академика Национальной Академии наук Кыргызской Республики К.-Г. Каракеева, академика А.Ч. Какеева, члена-корреспондента А.А. Брудного и других [9–12]. По мнению доктора филологических наук, профессора В.И. Шаповалова, В.А. Воропаевой удалось сказать о Пушкине свое, сокровенное и тем самым “присоединить свой голос к мощной пушкиноведческой полифонии, собравшей вокруг его наследия самых талантливых аналитиков русской духовной культуры за два века” [5, 6]. От имени читателей и почитателей Пушкина неоднократно выступал с рецензиями на книги В. Воропаевой авторитетный журналист Вилор Акчурин [13–16].

В заключение следует сказать, что Пушкиниана профессора В.А. Воропаевой – только одно из направлений ее научной деятельности. Другое, не менее значительное, связано с изучением подвижнической роли российских и русских деятелей науки, искусства, литературы в культурной жизни нашей республики на протяжении XX столетия.

В 2005 г. В. Воропаева издала фундаментальную книгу “Российские подвижники в истории культуры Кыргызстана”, куда вошло 40 исторических очерков о таких людях. В их числе: историки Н.А. Аристов, В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, В.М. Плоских, лингвисты Е.Д. Поливанов и К.К. Юдахин, художники С.А. Чуйков, Л.А. Ильина, В.А. Фаворский, музыканты В.А. Власов, А.В. Затаевич, П.Ф. Шубин, писатели Н.С. Чекменев, С.И. Липкин, Л.Б. Дядюченко, С.Г. Сулова.

В 2009 г. появилось продолжение этой книги – “А.С. Пушкин и подвижники культуры в периодике”, где круг известных имен был расширен. В него вошли: историки В.Я. Галицкий и Д.Д. Джунушалиев, этнографы С.М. Абрамзон и К.И. Антипина, литературоведы Д.С. Лихачев и Е.К. Озмитель, писатели Ч. Айтматов и Т. Уметалиев, скульптор В.А. Шестопал и другие. А самое главное – В. Воропаева включила в первый ряд российских подвижников в истории культуры Кыргызстана Александра Сергеевича Пушкина – главного героя ее публичной Пушкинианы – в объеме 15 статей, очерков, эссе.

Так вот, в ряду названных и неназванных подвижников – самоотверженных людей, принявших на себя тяжелый труд ради достижения

высокой цели, непременно должно стоять имя историка культуры Валентины Алексеевны Воропаевой. Данная статья о ее Пушкиниане – это только штрихи к научному портрету нашей замечательной современницы.

Литература

1. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. – М.: Правда, 1981.
2. Пушкинская энциклопедия. 1799 – 1999. – М.: АСТ, 1999.
3. *Воропаева В.А.* По тропе времени... / Ред. член-корр. Дж. Джунушалиев. – Бишкек: Илим, 2003.
4. *Воропаева В.А.* Российские подвижники в истории культуры Кыргызстана. – I / Под ред. акад. А.Ч. Какеев. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005.
5. *Воропаева В.А.* “Ты сам свой высший суд...”: К проблеме исторического факта в творчестве А.С. Пушкина / Отв. ред. докт. филол. наук, проф. А.О. Орусбаев. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005.
6. *Воропаева В.А.* “Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы...”: К проблеме исторического факта в интерпретации А.С. Пушкина: Поэт и его Время / Отв. ред. докт. филол. наук, проф. А.О. Орусбаев. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2006.
7. Пушкин в Кыргызстане: Книга-альбом / Авт.-сост. проф. В.А. Воропаева; Отв. ред. акад. НАН КР В.И. Нифадьев. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008.
8. *Воропаева В.А.* А.С. Пушкин и подвижники культуры в периодике. – II / Отв. ред. акад. А.Ч. Какеев. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009.
9. *Каракеев К.-Г.* Тропа времени не кончается... // Слово Кыргызстана. – 2004. – 27 января.
10. *Насирдинова А.М.* Российские подвижники на просторах Азии // Диалог цивилизаций. – Вып. I (6). – Бишкек, 2005.
11. *Брудный А.* Слово о подвижниках // Слово Кыргызстана. – 2005. – 3 марта.
12. *Шаповалов В.* Вдохновенная Пушкиным // *Воропаева В.* “Ты сам свой высший суд...”: К проблеме исторического факта в творчестве А.С. Пушкина. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005.
13. *Акчурин В.* Бывают странные сближения... // Слово Кыргызстана. – 2005. – 28 июля.
14. *Акчурин В.* “Войду невидимо и сяду между вами...” // Слово Кыргызстана. – 2008. – 19 июля.
15. *Акчурин В.* Слово в “Слове...” о мастере, свершающем чудо прикосновения к вечности // Слово Кыргызстана. – 2009. – 20 февраля.
16. *Акчурин В.* Пока сердца для чести живы... // Слово Кыргызстана. – 2009. – 13 марта.